

Сборник материалов
XII Конференции молодых японоведов

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

**Сборник материалов
XII Конференции молодых японоведов**

«Новый взгляд»

2022

Москва

УДК 082.1
ББК 94.3
С 23

Главный редактор

Тюленев И.А.

Составители

Абрамова Е.С., Тюленев И.А.

Научные редакторы

Абрамова Е.С., Бабкова М.В., Гришачёв С.В., Гусева А.В.,
Емельянова О.Н., Мазурик В.П., Родин С.А., Румак Н.Г.,
Стрельцов Д.В., Фесюн А.Г., Шапошников С.В.

Редакторы

Абрамова Е.С., Джаямаха Б.Н., Громова М.М.,
Кулдашбаева М.К., Тюленев И.А., Ясинский А.А.

Издание осуществляется при поддержке Japan Foundation

С 23 **Сборник** материалов XII Конференции молодых японоведов «Новый взгляд» / под ред. И.А. Тюленева. М.: Адвансед со-люшнз, 2022. 742 с.

ISBN 978-5-6046674-0-8

В настоящем издании публикуются работы начинающих и независимых исследователей истории и культуры традиционной, модернизационной и современной Японии, основанные на докладах XII Конференции молодых японоведов «Новый взгляд». Затрагивается самый широкий круг научных проблем, касающихся не только японского контекста, но и образа Японии за рубежом, а также международных отношений и кросс-культурных пересечений.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции и партнёров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О сборнике 6

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА

Курмантаева А. Функционирование формы письма <i>сиддхам</i> в Японии	15
Купина А. Семантика и этимология эмотивных идиом в японском языке	28
Петривная А. Использование <i>фуриганы</i> для создания каламбура (на материале манги Мотидзуки Дзюн «Pandora Hearts»)	36
Кожакина Е. Функции ономатопоэтической лексики в японском рекламном дискурсе	46
Хлыстун В. Психолингвистический аспект в японском дипломатическом дискурсе	53
Иванова Т., Ефимова С. Характеристика речевого воздействия в интервью японских политиков	59
Юдинцева Ю. Тема любви в позднем творчестве Акутагавы Рюносек	66

МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА

Kaur E. Lafcadio Hearn's «The Dream of Akinosuké» as a hybrid fairy tale	78
Борисова Е. Сравнительный анализ сюжетов о брачных испытаниях (на материале русских и японских волшебных народных сказок)	91
Маслова Е. Духи и демоны в японских сказаниях и мифах	101
Реунова В. Образ благодетельной кошки в традиционной японской культуре	109
Болокина Е. Традиционная японская эстетика в творчестве Кавабата Ясунари	120
Лещенко Д. Практики в японской традиции дзэн: полемический разбор идей Д.Т. Судзуки	136
Суслов А. Негативные и позитивные программы осмыслиения жизни в романе Мисима Юкио «Золотой Храм»	151

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО

Бахвалова А. Ранговая система <i>ю:дзё</i> квартала Ёсивара в XVIII в	169
Басманова К. Современное феминистское искусство в Японии и его связь с процессами глобализации	178
Даньшин С. Мужские персонажи послевоенной японской литературы (на примере произведений Кавабата Ясунари, Мураками Харуки и Каваками Хироми)	191

КСИЛОГРАФИЯ И АРХИТЕКТУРА, ЖИВОПИСЬ И ТЕАТР

Абрамова Е. Трансформация традиции изображения станций дороги Токайдо в серии гравюр укиё-э «Годзё:раку То:кайдо:» (1863)	200
Баринов А. Японское архитектурное общество сецессионистов: манифестация нового теоретического подхода	222
Разухина Д. Сохранение традиционных ремесленных техник: реконструкция дворца Хонмару в Нагое 2009—2018	235
Ищук Е. Интерпретация живописи <i>нихонга</i> в творчестве Мари Ито.	244
Журавлёва С. <i>Ракуго</i> : японское искусство смешить.	257

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Николашин-Шищук Д. Математическое образование в Японии VIII—XII веков	271
Колева М. Влияние методик преподавания политологии на избирательную явку молодых людей Японии.	284

БИЗНЕС, ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

Салахутдинов Э. Основные факторы конкурентоспособности международных японских компаний в период с 1955-го до середины 1980-х годов.	300
Романова Т. Трансформация японских компаний в условиях реализации концепции «Общество 5.0»	312
Клочкива И. Перспективы использования водородного топлива в Японии	333
Клочкива И. Роль биомедицинского кластера Кобэ в экономике города: особенности и перспективы развития.	346
Евсеева А. Гостиничное хозяйство Японии.	361
Абрамова Т. Шеринговые города в Японии	382

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Курбанов Н. Истоки китаецентризма и его влияние на формирование самоидентификации Ямато	394
Кухтин А. Влияние китайского конфуцианского законодательства на японские законодательные уложения периода Нара (VIII в.) . .	407
Белов П. На обломках горы Огура. Связь поэзии и политики в конце эпохи Камакура на примере борьбы кланов Нидзё, Кёгоку и Рэйдзэй за наследие дома Микохидари	423
Шуплецова К. Трансформация подходов к доктрине <i>кокутай</i>	434
Павлов К. Вторая мировая война как символ краха японского традиционализма в романе Юкио Мисимы «Золотой храм»	445
Нечаева Ю. Сравнительный анализ законодательства об авторском праве Японии и России	460
Санжиева А. Политика Японии в области кибербезопасности	475
Самигулина Е. Глобализация и проблема национальной идентичности в Японии	490

Вторая мировая война как символ краха японского традиционализма в романе Юкио Мисимы «Золотой храм»

Аннотация

В статье рассмотрена проблема виктимности Японии в социокультурном преломлении после Второй Мировой войны на примере произведения, отражающего взгляд представителя творческой элиты послевоенного периода, — романа Юкио Мисимы «Золотой храм». Актуальность исследования обусловливается интересом современной японистики к анализу проблем новейшей японской истории в рамках культурной парадигмы, с соответствующим привлечением презентативных литературных нарративов. Одной из таковых проблем является судьба социально-идеологической модели японского традиционализма. Рассмотрев роман Мисимы и проведя краткий анализ исторического развития японского традиционализма, автор статьи приходит к двум выводам: о «бомбе замедленного действия», заложенной в националистических идеологемах японского традиционализма и повлиявшей на его разложение в «Стране Восходящего Солнца» по итогам Второй Мировой Войны, а также — об отсутствии признаков «складывания» политического кредо Юкио Мисимы в его «Золотом храме».

Ключевые слова: Мисима, Золотой храм, Мидзогути, Цурукава, японский традиционализм, Вторая мировая война, реформы Мэйдзи.

Проблемы перехода Японии от традиционализма к вестернизации по итогам Второй мировой войны широко рассмотрены в современной историографии. При этом исследователи, как правило, делали акцент на политико-экономических аспектах данного явления — включении японского государства в послевоенную глобалистскую модель мировой политики под эгидой США, закреплённом Сан-Францисским мирным договором 1951 г.^{1,2}, и феномене «японского эконо-

¹ Кузьминков В.В. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. в японской историографии / Проблемы Дальнего Востока. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. №3. С. 113–121.

² Евдокимов А.Д. Роль США в формировании военной доктрины Японии в 1945–2010 гг. / Вестник Российской университета Дружбы Народов: серия «Международные отношения». М.: РУДН, 2013. №1. С. 24–27.

мического чуда»^{3,4,5,6}, последовавшего за демилитаризацией страны и структурным изменением её экономической модели. Несколько меньше в контексте освещения проблемы выбора «нового пути» Страны Восходящего Солнца после Второй Мировой Войны затронут её культурный аспект, а именно — взгляды прогрессивной японской интеллигенции того периода на наблюдаемую ими смену социокультурных парадигм. И это при том, что дискуссии о судьбе традиционализма велись в среде японской интеллектуальной элиты ещё в преддверии самой Второй мировой войны: достаточно вспомнить знаменитые дебаты марксистских групп *Кодзаха* («лекционная группа Кодза»; от яп. 高座郡 — «Кодза», района, где проводились их лекции) и *Роноха* (сокр. от яп. 労働者と農民のグループ — «рабоче-крестьянская группа») о сути и природе фашизма, угрозе поглощения им подлинно традиционных ценностей японского общества⁷. Но в этих дискуссиях по рассматриваемой проблеме она, как правило, опять же оценивалась с политико-экономических позиций, а не с культурных. Для культурных же исследований подобного плана достаточно презентативным подходом представляется рассмотрение отдельных литературных нарративов за авторством японских писателей послевоенной эпохи, среди которых одним из наиболее известных, несомненно, является роман Юкио Мисимы «Золотой храм»⁸, посвящённый, в том числе, и проблеме смены культурных парадигм в японском обществе на фоне итогов Второй мировой войны для Страны Восходящего Солнца. Перед непосредственным анализом значения романа писателя в рассматриваемом контексте необходимо кратко осветить основные этапы трансформации японского традиционализма от

³ Дружинин Н.Л. Японское экономическое чудо. СПб.: Питер, 2003.

⁴ Hane M. Eastern Phoenix: Japan Since 1945. Boulder: Westview Press, 1996.

⁵ Nanto D.K. The United States' role in the postwar economic recovery of Japan. Massachusetts: Harvard University Press, 1977.

⁶ Beckley M., Horiuchi Y., Miller J.M. America's role in the making of Japan's economic miracle // Journal of East Asian Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Vol. 18, No. 1. P. 1—21.

⁷ Спильман К. Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918—1941) / пер. С. В. Белкина // Проблемы фашизма и типологии диктаторских режимов в странах Азии и Африки. М.: Еврошкола, 2016. №4(31). С. 276—290.

⁸ Мисима Ю. Золотой Храм / пер. Г.Ш. Чхартишвили. М.: Азбука-Классика, 2003.

патриархальных форм эпохи сёгуната до крайней радикализации к моменту Второй мировой войны, чтобы проследить его генезис в том виде, в котором он описывается в «Золотом храме» Мисими.

В течение более двух веков, в 1639—1853 гг. Япония оставалась закрытой страной для значительной части представителей международной элиты, прежде всего — для Запада. Несмотря на определённые ситуативные контакты с Западом, традиционализм в данный период японской истории безальтернативно доминировал на всех уровнях общественной жизни — в политике, экономике и культуре. По мнению отечественного исследователя Е.Л. Скворцовой, исключительная приверженность традициям в Японии позднего сёгуната «...обеспечивала стабильность общества, но в то же время вела к его консервации»⁹. Следует отметить, что консервация общества по традиционалистскому типу поддерживалась устойчивой социальной стратификацией, в которой политический, экономический и культурный престиж был сосредоточен в руках самураев, игравших «...роль широко образованной военной интеллигенции»¹⁰. Вместе с тем, именно самураи, элита традиционалистского японского общества, которая должна быть заинтересованной в его консервации, и повели это общество по пути культурно-просветительских преобразований в эпоху *Мэйдзи* (*Мэйдзи-исин*) (яп. 明治維新, «обновление Мэйдзи»). Японоведы Кадзуясу Ватанабэ (яп. 渡辺和靖) и Микеле Марра выделяют как наиболее прогрессивных самурайских деятелей данной эпохи Ниси Аманэ (яп. 西周, 1829—1897), Мори Огаи (яп. 森鷗外, 1862—1922) и Ониси Хадзимэ (яп. 大西祝, 1864—1900)^{11,12}. Следует ли воспринимать самурайский «импульс» реформ в государстве Мэйдзи как свидетельство соответствия их лишь нуждам правящей элиты Японии? Французский учё-

⁹ Скворцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией / Вопросы Философии. М.: Институт философии РАН, 2012. № 7. С. 52—63.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ Ватанабэ Кадзуясу 渡辺和靖. 明治思想史—儒教の伝統と近代認識論 [История общественной мысли эпохи Мэйдзи: конфуцианские традиции и современная теория познания]. Токио: Пэриканся, 1978.

¹² Marra M. Modern Japanese Aesthetics. A Reader. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. P. 17—37.

ный Л.Фредерик полагал, что линия на приобщение к западной культуре велась этой элитой без соотнесения с интересами большинства японцев¹³. Исходя из этого, Фредерик утверждает, что ещё в результате победы Японии в войне 1904—1905 гг. с Россией (*Нити-ро сэнсо*) (яп. 日露戦争 — «Русско-Японская война») на излёте эпохи Мэйдзи была заложена своеобразная «бомба замедленного действия» для радикализации японского традиционализма, сформировавшая на наиболее интенсивном её этапе ту агрессивную модель японского национализма, которая и толкнула Страну Восходящего Солнца в пропасть Второй мировой войны¹⁴. Кроме того, исследователь выстроил своего рода «генетический ряд» радикализации традиционалистских идей в Японии, выстраиваемый им от школы оборонительного национализма *Mito* (*Mitogakу*) (яп. 水戸学; полное название — «Конфуцианско-националистическая школа учёных Митогаку по строительству нации») — философского учения XVIII — начала XIX вв. в защиту самостоятельного культурно-политического развития Японии¹⁵. Эпоха Мэйдзи, по Фредерику, явилась в данном ряду промежуточным этапом, на котором самураи и аристократические кланы страны (кроме приближённых к императору столичных кланов) превратились в социальных антагонистов¹⁶. Базисный тезис концепции Фредерика, как справедливо отмечала Е.Л. Скворцова, представляется довольно спорным¹⁷. Однако конечный вывод исследователя о традиционалистской «преемственности» между агрессивным японским национализмом периода Второй Мировой Войны и изначальной концепцией защиты Японии от «западных варваров», культивировавшейся идеологами школы *Mito*, трудно не признать логичным. Собственно, внутри самой школы оборонительного национализма, основные идеи которой были разработаны ещё в эпоху позднего сёгуната, существовали два принципиально противоположных видения традиционалистского пути развития страны

¹³ Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / пер. А.Б. Овездовой. М.: Молодая Гвардия: Палимпсест, 2007. С. 137.

¹⁴ Там же. С. 312.

¹⁵ Там же. С. 49—53.

¹⁶ Там же. С. 54—59.

¹⁷ Скворцова Е.Л. Указ. соч. С. 58—59.

при её «столкновении» с Западом. Первый путь — вытеснение идеи возможностей прогресса за счёт приобщения к опыту «чужеземных варваров», а вместе с ними — и всего западного из жизни и сознания японцев. Второй путь — умеренный путь «нового места Японии в мире»: осторожное отношение к западным странам и поддержание готовности при возникновении угрозы от них обороняться, не предполагающее, вместе с тем, необходимости отказа от усвоения достижений Запада в различных областях научного прогресса¹⁸. Ключевым идеологом первой модели школы *Mito* отечественные учёные М.И. Крупнянко и Л.Г. Арешидзе называют Айдзава Сэйсисай (яп. 会沢 正志斎, 1782—1863)¹⁹. Вторую модель культивировал Ёсида Сёин (яп. 吉田松陰, 1830—1859)²⁰. По мнению Крупнянко и Арешидзе, дальнейшие идеолого-философские модели японского традиционализма, возникшие во второй половине XIX — начале XX в., так или иначе проистекали из этих двух²¹. При этом самым резким прочтением идей Айдзавы через несколько ступеней последовательной переработки явилась концепция Уэсуги Синкити (яп. 上杉 慎吉; 1878—1929), характеризуемая исследователем Уолтером Скайа как «...радикальный имперский ультранационализм Синто»²². Культ императора как божественного сына Аматэрасу в интерпретации Уэсуги, агрессивно искажённый японской милитаристской олигархией, в конечном итоге и привёл Японию к той катастрофе, которую она понесла в результате Второй Мировой Войны. В свою очередь, радикализацией умеренной модели Ёсиды, согласно гипотезе Скайа, парадоксальным образом явились сами реформы Мэйдзи в их политическом содержании²³. В связи с этим последующие за реформами Мэйдзи идеи умеренного националистического реформирования японского традиционализма не выдержали борьбы с радикализмом Уэсуги и

¹⁸ Крупнянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). М.: Международные отношения, 2012. С. 63—65.

¹⁹ Там же. С.57.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 60.

²² Skya W. The Great European War and the rise of radical Shinto ultranationalism in Japan / The New Nationalism and the First World War // ed. by L. Rosenthal, V. Rodić. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014. P. 161—181.

²³ Ibid. P. 164—165.

его военной «изнанкой»²⁴. Что способствовало именно такому итогу длительного процесса идеологических реформ в Японии? Культуролог из Софийского университета Токио Кристофер Спильман называет ключевым фактором этого итога смену политических элит в японском государстве к 20-м гг. XX в., а вместе с тем — и социальной стратификации в Стране Восходящего Солнца в целом²⁵. Ко времени распространения идей Уэсуги из представителей антиимпериалистского крыла олигархии времён режима Мэйдзи в живых остался лишь принц Сайондзи Киммоти (яп. 西園寺 公望, 1849—1940). Но, как указывает Спильман, он был уже в слишком преклонном возрасте, чтобы иметь возможность затормозить их распространение²⁶. Таким образом, подводя промежуточные итоги, можно заключить: идея защиты национального в сочетании с прогрессом в Японии модифицировалась в идею войны за нацию и её дух тогда, когда элита японского общества прошла через жёсткую смену поколений, и в ней не осталось места «призракам» эпохи великого обновления. Писатель Юкио Мисима (яп. 三島 由紀夫, 1925—1970), выходец из семьи, придерживавшейся аристократических взглядов, сын крупного государственного чиновника, рождённый в 20-е гг., провёл юность в той Японии, которая пошла в своём понимании традиционализма за Уэсуги и его интерпретаторами и увидел, как та Япония пришла за ними в бездну. Как это обстоятельство отразилось на образе Второй мировой войны в романе «Золотом храм»?

«1945-й был Нулевым годом»²⁷, — утверждает от лица Юкио Мисими писатель Ричард Аппиньянези в романе, посвящённом личности японца. Эта мысль Аппиньянези вполне могла бы быть цитатой самого Мисими. Молодой японский писатель в 1945 г. потерял не только своё государство вместе со всеми соотечественниками. Он потерял и первого литературного наставника, Дзэммея Хасуду, поддержавшего его в ранних сочинительских опытах своими отзывами

²⁴ Ibif. P. 175.

²⁵ Спильман К. Указ. соч. С. 281—282.

²⁶ Там же. С. 281.

²⁷ Аппиньянези Р. Доклад Юкио Мисими императору / пер. В.А. Сухановой. М.: АСТ, 2006. С. 11.

1941 и 1943 гг.^{28,29}. Хасуда покончил жизнь самоубийством в Малайзии, где служил лейтенантом, 19 августа 1945 г., через 4 дня после тихоокеанской капитуляции Японии. Тема потери духовного наставника, применимая к жизненному опыту Мисимы 1945 г., фигурирует в «Золотом храме» в описании смерти Цурукавы — друга главного героя романа, монаха храма Кинкаку-дзи Мидзогути, обучавшего его на первых порах жизни в духовной обители³⁰. В романе писателя Цурукава погибает под колёсами грузовика. В действительности Хасуда совершил харакири. Однако Мисима добавляет в описание гибели друга и наставника Мидзогути следующие слова, вполне соответствующие ритуалу долга, осуществлённому Хасудой: «Один удар, одно-единственное мгновенное прикосновение — и жизнь обернулась смертью. Стремительная химическая реакция... Очевидно, лишь таким экстремальным способом мог этот необычный, лишенный тени юноша встретиться со своей тенью и своей смертью³¹. Вместе с тем Цурукава был выведен в романе не настолько старше Мидзогути, насколько старше был Хасуда по отношению к Мисиме, а также относился к нему несколько насмешливо и называл младшего собрата по обители «чудным парнем»³².

«Золотой храм» был написан Юкио Мисимой в 1956 г., а к тому моменту уже скончался ещё один старший товарищ писателя по литературной корпорации Дадзай Осаму (яп. 太宰治 1909—1948), общение с которым Мисимы, как свидетельствует исследователь биографии и творчества последнего Джон Нейтан, было столь же иронично-приятельским, как и общение Цурукавы с Мидзогути³³. Поэтому возможно, что личная параллель писателя в описании дружбы двух монахов в «Золотом храме» относится именно к Дадзай Осаму, а не к Хасуде. Тем более что в ещё одной реплике, которую Юкио Мисима

²⁸ Fukushima Jurō 福島鑄郎. 再訂資料・三島由紀夫 [Re-edition Document: Yukio Mishima]. Tokyo: Chobunsha, 2005 (1989). P. 116.

²⁹ Andō Takeshi 安藤武. 三島由紀夫の生涯 [The life of Yukio Mishima]. Tokyo: Natsumeshobo, 1996. P. 57—58.

³⁰ Мисима Ю. Золотой храм... С. 118—121.

³¹ Там же. С. 120.

³² Там же. С. 58.

³³ Nathan J. Mishima: A biography. Boston/Toronto: Little Brown and Company, 1974. P. 54.

вложил в уста Цурукавы, писательское кредо Осаму звучит вполне отчётливо: «Тревожься — не тревожься, мечтай — не мечтай, что от этого изменится?»³⁴. Хотя отношение Мисимы к Дадзай — вопрос весьма дискуссионный. Например, тот же Аппиньянези характеризует его как зависть к литературному таланту на грани ненависти к личности³⁵. Как бы то ни было, потеря ориентира — для Юкио Мисимы в лице товарищей по литературной деятельности, для Мидзогути в лице наставника и друга Цурукавы, наконец, для Японии — в лице традиционалистского пути развития, — вот триединая ось образов потери у Мисимы, связанная с его личной рефлексией событий 1945 г., выстраиваемая им в «Золотом храме». Хасуда погиб, не приняв поражение своей Родины; Цурукава — в результате несчастного случая; Япония — понеся это поражение во Второй мировой и став жертвой несчастного случая собственного имени. Образ Мидзогути, считающийся большинством исследователей частично автобиографическим у Юкио Мисимы, скорее всего, в действительности значил для него намного больше. В нём и в его поступке — сожжении храма Кинкакудзи (яп. 金閣寺, «Золотой храм») в Киото — Мисима хотел отразить не только личную трагедию, перенесённую им в войне, но и трагедию всей страны, сгоревшей на своём великом пути. В начале «Золотого храма» приводится сцена наблюдения Мидзогути за японскими моряками во время войны: «Вот достигну призывающего возраста и тоже стану военным. Только смогу ли я отдаваться службе так же рьяно, как эти розовошёкие моряки? Ведь я принадлежу их миру лишь наполовину... Может быть, я — связующее звено между жизнью и смертью? Если мне суждено погибнуть на войне, конец все равно один, какую бы дорогу я теперь ни избрал»³⁶. Приводя слова Мидзогути о положении «между жизнью и смертью», японский писатель рефлексирует на тему случая, не позволившего ему отправиться на фронт на Филиппины в 1945 г. и спасшего ему жизнь — во время медкомиссии ему ошибочно поставили диагноз «туберкулёз». Мисима вспоминал об этом случае в эссе 1957 г. «Моя зрелость», через год после выхода в свет «Золотого

³⁴ Мисима Ю. Золотой храм... С. 79.

³⁵ Аппиньянези Р. Указ. соч. С. 19.

³⁶ Мисима Ю. Золотой храм... С. 45—46.

храма»³⁷. Служение святыне для юного монаха Золотого храма Кинкаку-дзи в Киото, главного героя романа, становится такой же альтернативой престижной военной карьере, как для автора романа — первые опыты писательства, относимые к военному времени — 1944—1945 гг. — и вдохновлённые знакомством Мисимы с немецкими классиками — Гёте, Манном и Рильке и с философией Ницше. Любопытно, что цитата из Гёте даже упоминается в тексте «Золотого храма»: отец Мидзогути, передавая сына на духовную учёбу настоятелю Кинкаку-дзи Досэну, вспоминая смерть великого монаха, последними предсмертными словами приписывает ему фразу немецкого классика — «Света, побольше света!»³⁸ Соответственно, в начале романа Мисима демонстрирует, что для Мидзогути храм Кинкаку-дзи был таким же светом, как и для него в юности — произведения немецких авторов. Исходя из этой метафоры в «Золотом храме», а также из воспоминаний Мисимы о собственных чувствах в 1945 г. в письме, написанном 10 годами позже³⁹, можно предположить, что в годы войны юный писатель придерживался прогерманской ориентации и воспринял поражение Японии в войне прежде всего как международное фиаско, в то время как лишь на момент создания романа, в 1955—1956 гг., наблюдая процесс вестернизации Японии на всех уровнях и вертикалях общественной жизни, он переосмыслил подлинное значение трагедии войны для своей страны как потерю корней и традиций. Подтверждением этому тезису служат два обстоятельства. Во-первых, лишь незадолго до написания «Золотого храма» Мисима проникся японской литературной классикой, например, произведениями Мори Огай, о которых в эссе «Моя зрелость» он честно утверждает, что в годы увлечения германской классикой он их «...не знал и, скорее всего, не осознал бы, даже будь они ему известны»⁴⁰. Во-вторых — развитие образа Мидзогути в композиции романа по мере приближения финала войны и становления послевоенных реалий, рисуемое писателем, указы-

³⁷ Mishima Yukio 三島由紀夫. 決定版 三島由紀夫全集・第36巻・評論11 [Definitive Edition-Yukio Mishima complete works No. 36-criticisms 11]. Tokyo: Shinchosha, 2003. P. 339—408.

³⁸ Мисима Ю. Золотой храм... С. 50.

³⁹ Mishima Yukio. Op. cit. P. 516—518.

⁴⁰ Mishima Yukio. Op. cit. P. 373.

вает на то, что монах переосмысляет для себя сущность храма так же, как Мисима переосмыслял военную трагедию Японии. До того, как стать послушником, юноша-герой романа восхищался храмом как идеалом гармонии и прекрасного⁴¹. Мидзогути не хотел идти на войну, чтобы служить обожаемому им храму. Он говорил об этом с курсантом военного училища — и тот ответил ему: «Понятно. Значит, через год-другой придется тебе молиться за упокой моей души»⁴². Свой духовный путь во время войны юноша готов посвятить борьбе за храм — защищать его и погибнуть вместе с ним, если такова будет высшая воля. Тем самым Мисима демонстрирует, что базовые традиционистские установки в сознании японцев определяли их отношение к войне как синкетичное: как в военном курсанте присутствовало ощущение необходимости исполнения божественного долга в своей будущей службе, так и в монахе жило чувство воина, готового биться за храм как символ своего пути следования традициям. Более того, Мидзогути даже надеется на то, что противники японцев будут бомбить Киото и Кинкаку-дзи: «Быть может, Кинкакудзи сгорит дотла уже завтра. Исчезнет навсегда этот гордый силуэт, заполняющий собой весь мир... И тогда замершая над Храмом птица, подобно истинному фениксу, возродится в пламени и взметнется в небеса. Сам же Храм, навек избавившись от тенет формы, легко снимется с якоря и будет, окутанный призрачным сиянием, невесомо глади прудов и черным просторам морей...»⁴³. Парadoxальность ожиданий Мидзогути, на первый взгляд, граничащая с шизофренией, на деле явилась гениальной метафорой Мисимы на тему идеи Ницше о цикле в основе прекрасного. Сам писатель упоминал об этом в письме 1960 г. «Путь Богов»: «...Ничто не вечно, но истинно прекрасно лишь на исходе себя»⁴⁴. Можно усмотреть здесь отсылку и к осмыслиению писателем выше охарактеризованной трансформации идеологии японского традиционализма вообще. Осознание грозящего Японии поражения в войне Мидзогути и стремление погибнуть вместе с храмом им Кинкаку-дзи и своей Родиной по-

⁴¹ Мисима Ю. Золотой храм... С. 45.

⁴² Там же. С. 35.

⁴³ Там же. С. 63.

⁴⁴ Mishima Yukio. Op. cit. P. 88—90.

добно тому, как Уэсуги, переработав идеи Айдзава Сэйсисай, призывал японцев стать оружием императора и объединить с ним свои судьбы. Однако судьба Кинкаку-дзи, погибшего в пожаре, и тот факт, что сжигает его не пламя американских бомб, а рука его ревностного хранителя Мидзогути, — наиболее яркая характеристика изменения отношения Мисимы к войне и её итогам для Японии в 1956 г. по сравнению с 1945 г. Теперь в «Золотом храме» Юкио Мисима констатирует: Япония сожгла сама себя жертвенным огнём, подчинив своих сынов, в большинстве своём, подобных Мидзогути, агрессивной установке традиционалистского пути. «На душе было спокойно, как после хорошо выполненной работы»⁴⁵, — неожиданный итог, подводимый писателем сожжению храма послушником. Так же неожиданно для «рупоров» агрессивной модели японского традиционализма, воспринимавших Вторую мировую войну как «хорошо выполняемую работу», эта война закончилась. Вместе с тем, политическое преломление символа сгоревшего в жертвенном огне Кинкаку-дзи в произведении Юкио Мисимы сочетается с преломлением эстетическим. Жертвенное пламя — чрезвычайно важный образ буддистского искусства Японии, фигурирующий в нём во множестве художественных воплощений как изображений божеств буддистского пантеона (например, Одиннадцатиликой Каннон)⁴⁶, так и воздвигавшихся в их честь святыни⁴⁷. Подобная эстетика, несомненно, уже была близка автору «Золотого храма» в связи с обозначившимся в его творчестве на тот момент обращением к «основам основ» японской культуры⁴⁸. Однако сводить эстетическое понимание им феномена Кинкаку-дзи исключительно к символу жертвенного пламени в японском буддизме и буддистском искусстве не представляется возможным, ввиду отсутствия соответствующих упоминаний за авторством самого Мисимы периода его работы над «Золотым храмом». Скорее, следует говорить о комплексе эстетических аспектов подобного рода, не менее важных, чем аспекты политические.

⁴⁵ Мисима Ю. Золотой храм... С. 213.

⁴⁶ Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М.: Искусство, 1980. С. 31, 57.

⁴⁷ Дёлэ Н. Япония вечная / пер. С.Р. Балашовой. М.: АСТ/Астрель, 2006. С. 30—31.

⁴⁸ Mishima Yukio. Op. cit. P. 339—408.

Финал произведения, как известно, впоследствии ставшего на путь политической борьбы, как и его выводы в нём в политическом преломлении о судьбе японского традиционализма на фоне военного фиаско, могут ввести в заблуждение, что «Золотой храм» явился своего рода «программным манифестом» Мисими как политического радикала. В контексте данного исследования необходимо привести краткие выводы в пользу ошибочности подобной оценки значения «Золотого храма» в его творчестве.

В первую очередь, следует вновь отметить, что Мидзогути, в которого Мисима вложил немалую часть своего авторского «я», никогда не хотел идти на фронт. Это объединяет его с тем Мисимой, каким он был в собственных воспоминаниях как раз на момент написания романа в 50-е гг. Так, в уже упомянутом эссе 1957 г. «Моя зрелость» Юкио Мисима утверждает, что ошибочный диагноз «туберкулёз» на медкомиссии в феврале 1945 г. и освобождение от командирования на фронт на этом основании стал для него счастливым случаем, ссылаясь даже на то обстоятельство, что на Филиппинах, куда он должен был быть командирован, погибли тысячи его соотечественников⁴⁹. А Мисима — радикал напишет позднее в работе «Патриотизм» 1966 г.: «За его [домашнего очага] пределами простиралась огромная мятущаяся страна, которой поручик отдал свое сердце. Ради неё он жертвовал жизнью. Но заметит ли отчество гибель того, кто убьет себя ради идеи? Пусть не заметит! Поле брани поручика не будет осенено славой, ему не суждено проявить доблесть в бою, но именно здесь проходит линия фронта его души»⁵⁰. Очевидно, Мисима как политический борец уже не склонен избегать встречи со смертью — тогда как автор «Золотого храма» ещё не был готов к такой резкости суждений. Кроме того, стоит упомянуть, что написание «Золотого храма» совпало по дате с годом подписания Японией декларации о прекращении состояния войны с Советским Союзом, на который немногочисленная, но опиравшаяся как раз на интеллигенцию левая японская оппозиция на фоне постепенного осознания неприменимости в послевоенных японских реалиях социалистической модели Китая

⁴⁹ Ibid. P. 356.

⁵⁰ Мисима Ю. Патриотизм, Золотой Храм / пер. Г.Ш. Чхартишвили. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 25.

возлагала немалые надежды⁵¹. Как известно, Юкио Мисима в своём политическом радикализме «барражировал» в сторону как левых, так и правых идей, остановившись на последних⁵². Согласно версии Джона Нейтана, определённая часть право-радикальных произведений Мисимы — «Солнце и сталь», «Моё Хагакурэ» и «В защиту культуры» — была создана писателем под влиянием от общения с командующим японских сил самообороны Киёкацу Ямamoto⁵³. В то время как к периоду между «Золотым храмом» и до поправления взгядов писателя относятся в основном театральные пьесы. Исходя из этого факта, а также из соответствовавшего тому же времени знакомства и брака Юкио Мисимы с эпатажной художницей — нонконформисткой Ёко Сугияма⁵⁴, логично предположить: писатель воспринял для себя перспективы советизации Японии как иллюзорные и ушёл в аполитичную нонконформистскую творческую среду. Поэтому для того, чтобы понять, как и когда сформировался Мисима — политический радикал, следует обратиться не к «Золотому храму», а к первым правым по духу произведениям японского автора, относящимся к 60-м гг.

Подводя итоги, можно заключить: японский традиционализм в своей последовательной националистической и милитаристской радикализации невольно применил к самому себе устройство наподобие детонатора. Эта «бомба замедленного действия» сработала лишь на самом радикальном этапе: «взрывной волной» оказалась Вторая мировая война и её итоги для японского общества и государства. В романе Юкио Мисимы «Золотой храм», основанном как на историческом факте — сожжения буддийским послушником храма Кинкаку-дзи в Киото — так и на личных рефлексиях автора, политических и эстетических, на примере восприятия войны монахом Мидзогути продемонстрировано, как японский традиционалист теряет почву под ногами для своих убеждений и вынужден признавать их конечную несостоятельность. Тем не менее, политическое кредо Мисимы проявится в творчестве

⁵¹ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Указ. соч. С. 124—128.

⁵² Мисима Ю. Патриотизм, Золотой Храм... С. 4—30.

⁵³ Nathan J. Op. cit. P. 182.

⁵⁴ Ibid. P. 185.

писателя не в «Золотом храме», а несколько позднее — на этапе радикализации его взглядов и начала борьбы за то, чтобы строить новый мир и новую Японию, которая удивительным образом должна была быть похожа на саму себя в исконной традиционалистской парадигме, а не в её «изнанке».

Список источников

1. *Мисима Ю. Золотой Храм / пер. Г.Ш. Чхартишвили.* М.: Азбука-Классика, 2003. 255 с.
2. *Мисима Ю. Патриотизм, Золотой Храм / пер. Г.Ш. Чхартишвили.* СПб.: Северо-Запад, 1993. 478 с.
3. *Andō Takeshi 安藤武. 三島由紀夫の生涯 [The life of Yukio Mishima].* Tokyo: Natsumeshobo, 1996. 350 p. P. 57—58.
4. *Mishima Yukio 三島由紀夫. 決定版 三島由紀夫全集・第36巻・評論11 [Definitive Edition-Yukio Mishima complete works No.36-criticisms 11].* Tokyo: Shinchosha, 2003. 721 p.
5. *Fukusima Jurō 福島鑄郎. 再訂資料・三島由紀夫 [Re-edition Document: Yukio Mishima].* Tokyo: Chobunsha, 2005 (1989). 341 p. P. 116.

Список литературы

1. *Аппиньянези Р. Доклад Юкио Мисими императору / пер. В.А. Сухановой.* М.: АСТ, 2006. 782 с.
2. *Ватанабэ Кадзуюсу 渡辺和靖. 明治思想史—儒教的伝統と近代認識論 [История общественной мысли эпохи Мэйдзи: конфуцианские традиции и современная теория познания].* Токио: Пэриканся, 1978. 345 с.
3. *Дёлэ Н. Япония вечная / пер. С.Р. Балашовой.* М.: АСТ / Астрель, 2006. 160 с.
4. *Дружинин Н.Л. Японское экономическое чудо.* СПб.: Питер, 2003. 264 с.
5. *Евдокимов А.Д. Роль США в формировании военной доктрины Японии в 1945—2010 гг. / Вестник Российского университета Дружбы Народов: серия «Международные отношения».* М.: РУДН, 2013. №1. С. 24—27.
6. *Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии.* М.: Искусство, 1980. 143 с.
7. *Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика).* М.: Международные отношения, 2012. 408 с.
8. *Кузьминков В.В. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. в японской историографии / Проблемы Дальнего Востока.* М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. №3. 186 с. С. 113—121.

9. Скворцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией / Вопросы Философии. М.: Институт философии РАН, 2012. №7. С. 52—63.
10. Спильман К. Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918—1941) / пер. С.В. Белкина // Проблемы фашизма и типологии диктаторских режимов в странах Азии и Африки. М.: Еврошкола, 2016. №4(31). С. 276—290.
11. Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи / пер. А.Б. Овездовой. М.: Молодая Гвардия: Палимпсест, 2007. 326 с.
12. Beckley M., Horiuchi Y., Miller J.M. America's role in the making of Japan's economic miracle // Journal Of East Asian Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Vol. 18, No. 1. P. 1—21.
13. Hane M. Eastern Phoenix: Japan Since 1945. Boulder: Westview Press, 1996. 260 p.
14. Marra M. Modern Japanese Aesthetics. A Reader. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. 323 p.
15. Nanto D.K. The United States' role in the postwar economic recovery of Japan. Massachusetts: Harvard University Press, 1977. 128 p.
16. Nathan J. Mishima: A biography. Boston/Toronto: Little Brown and Company, 1974. 352 p.
17. Skya W. The Great European War and the rise of radical Shinto ultranationalism in Japan / The New Nationalism and the First World War // ed. by L. Rosenthal, V. Rodić. Hounds mills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014. P. 161—181.

АВТОРЫ СБОРНИКА¹

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА

Курмантаева Альмира Асановна

Купина Александра Андреевна

Петривная Анастасия Владимировна

Кожакина Екатерина Сергеевна

Хлыстун Виталия Дмитриевна

Иванова Татьяна Дмитриевна (Ivanova Tatiana Dmitrievna) — магистрантка Восточного института Дальневосточного федерального университета; выпускница Кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ефимова Сардана Кимовна (Efimova Sardana Kimovna) — доцент Кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Юдинцева Юлия Александровна

МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА

Каур Евдокия Егоровна (Kaur Evdokiia Egorovna) — аспирантка кафедры инновационного японоведения Высшей школы искусств и литературы университета Тохоку (Tohoku University, Graduate School of Arts and Letters, Department of Innovative Japanese Studies); выпускница Кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Исследует образ «Другого» и ген-

¹ Представленная информация основана на данных осени 2021 года. Личные данные авторов размещены с их согласия.

дерный аспект в произведениях японской литературы эпохи Мэйдзи, в первую очередь в творчестве Лафкадио Хирна (Коидзуми Якумо). В настоящее время является лектором программы ТУИР Глобального учебного центра университета Тохоку, в рамках которой знакомит иностранных студентов с образами ёкай и других сверхъестественных существ японской мифологии, а также тем, как менялось их восприятие на протяжении веков. E-mail: kiya.okhlopkova@gmail.com

Борисова Елизавета Павловна

Маслова Екатерина Эдуардовна — студентка исторического факультета Иркутского государственного университета. Исследователь мировоззрения японского народа и религиозных верований Японии, преимущественно феномена сверхъестественного. E-mail: maslovakaterin99@gmail.com

Реунова Валерия Алексеевна

Болокина Евгения Владимировна

Лещенко Дмитрий Геннадьевич — студент ОП «Философия и история религии» ФГН НИУ ВШЭ, член Ассоциации «Химавари», автор проекта «Повесть об Императоре». Исследователь религиозной жизни традиционной Японии, современной японской философии и гендерных проблем японского общества прошлого и настоящего.

Суслов Артём Вячеславович

ГЕНДЕР И ОБЩЕСТВО

Бахвалова Анастасия Алексеевна

Басманова Ксения Евгеньевна — студентка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, состоит в Ассоциации «Химавари», авторка проекта «Сакура и Хризантема». Исследовательница современного искусства и гендерных проблем Японии.

Даньшин Сергей Александрович — студент ОП «Востоковедение» НИУ ВШЭ СПб, член Ассоциации «Химавари», автор проекта «Сакура и Хризантема». Исследователь японской послевоенной литературы, гендерных проблем японского общества.

ства и репрезентации женского и мужского в произведениях авторов-постмодернистов.

КСИЛОГРАФИЯ И АРХИТЕКТУРА, ЖИВОПИСЬ И ТЕАТР

Абрамова Екатерина Сергеевна — приглашённый преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, преподаватель Института русского языка и культуры МГУ, сотрудник Отдела графики ГМИИ им. А.С. Пушкина. Исследователь японской традиционной гравюры, литературы Японии конца XIX — начала XX веков, а также методик преподавания японского языка. E-mail: esabramova@hse.ru

Баринов Алексей Александрович — студент ОП «Востоковедение» ФМЭиМП НИУ ВШЭ, выпускающий видеоредактор Ассоциации «Химавари». Исследователь японской современной и традиционной архитектуры, а также литературы XX века, средневекового чайного действия и политической системы классической Японии.

Разухина Дарья Сергеевна — студентка ОП «Востоковедение» Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, сотрудник Отдела графики ГМИИ им. А.С. Пушкина. Исследователь японской архитектуры конца XIX — начала XX веков, применения традиционных ремесленных техник в реставрационных и реконструкционных проектах и в современном строительстве. Лауреат Конкурса студенческих работ Ассоциации японоведов (2021 г.). E-mail: dsrazukhina@edu.hse.ru

Ищук Екатерина Николаевна

Журавлёва София Суфьяновна — студентка ОП «Востоковедение» ФМЭиМП НИУ ВШЭ, состоит в Ассоциации «Химавари», организаторка конференций молодых японоведов «Новый взгляд». Исследовательница японской традиционной культуры, исполнительского и изобразительного искусств.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Николашин-Шицук Давид Сергеевич — студент ОП «Востоковедение» ФМЭиМП НИУ ВШЭ, технический директор Ассоциации «Химавари», автор проектов «Повесть об Им-

ператоре» и «Сакура и Хризантема». Исследователь истории развития научных представлений и образовательных практик в традиционной Японии.

Колева Милана Сергеевна

БИЗНЕС, ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

Салахутдинов Эдгар Васильевич

Романова Татьяна Андреевна

Клочкова Ирина Петровна

Евсеева Александра Денисовна

Абрамова Татьяна Альбертовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Курбанов Назар Исламович — студент Факультета международных отношений МГИМО, член Ассоциации «Химавари», основатель проекта «Сакура и Хризантема». Исследователь внешней политики и потребительской культуры современной Японии, а также религиозной жизни и общественно-политических систем древней Японии.

Кухтин Арсений Владимирович — студент 1 курса аспирантуры исторического факультета ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (кафедра всеобщей истории). Исследователь политических и культурных взаимоотношений между Китаем и Японией в период с VIII по XVII вв. Создатель научно-развлекательных и просветительских проектов, связанных со всеобщей историей («Царство пресвитера»). E-mail: kuhtin.senya@yandex.ru

Белов Павел Андреевич — учащийся направления «Востоковедение» Лицея НИУ ВШЭ, секретарь Ассоциации «Химавари», главный редактор проекта «Повесть об Императоре». Исследователь истории языка и литературы, а также связей поэзии и политики в средневековой Японии.

Шуплецова Ксения Васильевна — аспирантка ИСАА МГУ, член Ассоциации «Химавари», автор проекта «Сакура и Хризантема». Исследовательница японской внешней политики и

политической идеологии первой половины XX века. E-mail: noisetterpost@gmail.com

Павлов Кирилл Владимирович — студент магистратуры Института истории СПбГУ (направление подготовки «История», ОП — «Становление современной западной цивилизации»; Кафедра истории средних веков). Исследователь японского традиционализма, политической культуры и литературы Японии XX в., а также дипломатии Флоренции эпохи Итальянских войн 1494—1559 гг. E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com

Санжиева Аяна Дугаровна — аспирант Института стран Азии и Африки МГУ, исследователь политических процессов в Японии, в особенности влияния современных технологий на внутреннюю и внешнюю политику страны. E-mail: asanzhiewa@gmail.com

Нечаева Юлия Сергеевна — аспирантка Дипломатической академии МИД России, исследователь культуры и права Японии. E-mail: nechyulia@mail.ru

Самигулина Елена Игоревна

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Матвеева Валентина Александровна — студентка направления «История» исторического факультета ИГУ. Исследователь истории российско-японских отношений, в частности направлений межгосударственного сотрудничества в 1920-е гг. E-mail: matveeva.valya99@mail.ru

Колчина Виктория Александровна — магистрант ВГБОУ ВО «ИГУ», Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, кафедра востоковедения и регионоведения АТР. Исследователь политической культуры современной Японии, а также медиатекстов японских СМИ, посвященных одному из дискуссионных вопросов современной истории: территориальному спору между Россией и Японией посредством комплексного коммуникативного анализа. E-mail: vika.kolchina2018@yandex.ru

Шалина Ирина Викторовна — доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, ино-